Въ Библіотеку Московскаго Археологическаго Общества

О ЗНАЧЕНІИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ

ДЛЯ ОБРАБОТКИ

ДРЕВНЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ.

Н. Е. Красносельцева,

экстра ординарн. профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета

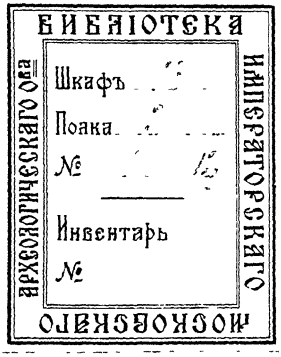
Одесса.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ (Б ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА)

Почтовая улица, домъ Фельдмана, № 4¾ й

1889

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА


БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБ-ва
Шкафъ
Полка
№
Инвентарь
№

О ЗНАЧЕНІИ

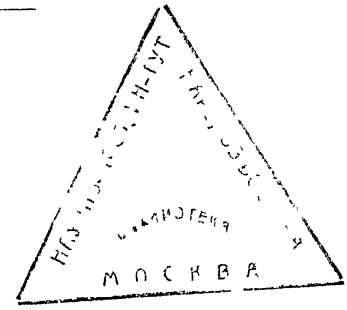
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ

ДЛЯ ОБРАБОТКИ

ДРЕВНЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ.

Н. Ѳ. Красносельцева,

экстра ординарн. профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета



Одесса

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ (Б ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА)

Почтовая улица, домъ Фельдмана, № 43 й

1889.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго университета Ректоръ *С П Ярошенко.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
324
32

Мл. Гг.

Приступая къ дѣлу весьма серьезному, но для меня до нѣкоторой степени новому — къ чтенію лекцій по Церковной Исторіи въ высшемъ образовательномъ учрежденіи, лицамъ, имѣющимъ научную подготовку весьма солидную, но *не спеціально богословскую*, я невольно долженъ былъ почувствовать нѣкоторую особенную трудность этого дѣла вытекающую изъ особаго положенія, занимаемаго наукой Церковной Исторіи въ ряду другихъ наукъ историко-филологическаго факультета, а вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ былъ почувствовать также и настоятельную нужду заручиться прежде всего твердою точкою опоры для выработки наиболѣе цѣлесообразнаго характера изслѣдованія и изложенія. Такую точку опоры кажется не иначе можно пріобрѣсть, какъ посредствомъ тщательнаго уясненія себѣ того пути, который въ данномъ случаѣ представляется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Намѣтить надлежащій и лучшій путь изслѣдованія есть дѣло весьма важное. Иногда отъ этого всецѣло зависитъ достиженіе цѣли и выполненіе задачъ, свойственныхъ той или иной наукѣ, задачъ какъ постоянныхъ и общихъ, такъ и частныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, опредѣляемыхъ объемомъ и свойствомъ научнаго матеріала въ данный моментъ, или потребностями времени и лицъ. Я не имѣю претензіи пролагать новые пути въ своей наукѣ, но я желалъ бы въ этомъ отношеніи стоять на той высотѣ, которая гармонировала-бы какъ съ достоинствомъ этой каѳедры, такъ и съ достоинствомъ науки, а именно: я желалъ-

бы для достиженія цѣли университетскаго преподаванія, равно какъ и цѣлей спеціально научныхъ, слѣдовать лучшему пути, выработанному исторіей науки и опредѣляемому современнымъ состояніемъ источниковъ этой науки и матеріала, подлежащаго ея обработкѣ Что-же это за путь? Скажу заранѣе, что изъ сопоставленія современныхъ потребностей науки съ потребностями университетскаго преподаванія, на мой взглядъ, ясно вытекаетъ, что путь этотъ долженъ совпадать съ тѣмъ направленіемъ, которое въ настоящее время довольно уже явственно намѣчается частыми экскурсіями церковныхъ историковъ въ область археологіи хотя и не получило еще всеобщаго распространенія. Чтобы опредѣлить достоинства и особенности этого направленія и его цѣлесообразность, я имѣю намѣреніе занять ваше вниманіе краткимъ очеркомъ общаго положенія, общихъ задачъ и потребностей церковно-исторической науки, выработанныхъ ея исторіей. Надѣюсь, что изъ этого очерка будетъ достаточно ясно, куда долженъ склониться нашъ выборъ и почему.

Церковная Исторія въ настоящее время занимаетъ въ ряду другихъ историческихъ наукъ положеніе довольно неопредѣленное и такъ сказать двусмысленное Она безъ сомнѣнія есть наука историческая По предмету своему она есть часть или спеціальный отдѣлъ общей всемірной исторіи Предметъ ея религія, хотя не во всемъ ея объемѣ, а только въ конкретномъ и индивидуальномъ ея проявленіи, именно религія христіанская, составляющая достояніе особаго общества, называемаго церковью, но все таки религія, которая всегда была однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ направленіе и теченіе исторіи человѣчества. Въ качествѣ такого фактора она не можетъ быть оставлена безъ вниманія изслѣдователями всемірной исторіи и въ настоящее время. Съ своей стороны и Церковная Исторія, выдѣлившись изъ общей, не можетъ порвать съ нею своей связи, такъ какъ и религіозныя движенія происходили всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ политическими или соціальными условіями, отъ которыхъ получали иногда то или иное направленіе, тотъ или иной характеръ. Въ старое время, въ эпоху лѣтописей и хроникъ эта естественная связь исторіи гражданской съ церковною была гораздо виднѣе: хронисты записывали съ равною

внимательностію какъ событія гражданскія, такъ и церковныя. Но и въ настоящее время связь эта порвана быть не можетъ и не должна.

Однакожъ въ настоящее время связь эта далеко не такъ тѣсна, какъ можно бы было думать Будучи наукою историческою, Церковная Исторія въ тоже время есть наука богословская и притомъ богословская κατ' ἐξοχήν, наука такъ сказать центральная въ области богословія Всѣ другія вѣтви богословія какъ теоретическаго, такъ и практическаго стремятся къ исторіи, какъ къ центру и на ея почвѣ приходятъ во взаимоотношеніе и связь. Служа къ соединенію и оправданію другихъ богословскихъ наукъ, Церковная Исторія какъ бы невольно съ давнихъ временъ усвоила себѣ нѣкоторые особые задачи и особыя пріемы, сближающіе ее съ чисто богословскими науками и удаляющими отъ общаго направленія исторической науки. Это такъ сказать неисторическое направленіе, отражающееся довольно вредно на составѣ и пріемахъ изслѣдованія церковно-исторической науки, поддерживается въ ней не только особымъ положеніемъ ея въ средѣ богословскихъ наукъ, но и преданіемъ, выработаннымъ исторіей науки, преданіемъ, отъ котораго не легко освободиться Преданіе это воспитало въ церковно-исторической наукѣ направленіе частію полемическое, частію субъективно-конфессіональное Это направленіе Церковная Исторія усвоила себѣ съ самаго начала своего существованія въ качествѣ отдѣльной науки Оно весьма сильно въ ней и до настоящаго времени

Въ качествѣ особой науки Церковная Исторія явилась на почвѣ религіозныхъ волненій XVI в. Своимъ происхожденіемъ она обязана протестантизму и въ частности стремленію протестантовъ унизить папство и оправдать истинность своего исповѣданія. Первымъ трудомъ, съ котораго обыкновенно начинаютъ исторію Церковной Исторіи, какъ особой науки, были такъ называемыя Магдебургскія Центуріи. Авторы этого громаднаго сочиненія, явившагося между 1550—1574 г., самымъ беззастѣнчивымъ образомъ высказываютъ свою противоисторическую цѣль—доказать, что папа есть антихристъ, что церковь, поскольку она находилась подъ папскимъ вліяніемъ, есть царство антихриста, царство тьмы и безчисленныхъ заблужденій, и что только протестантство вывело ее изъ такого

ужаснаго положенія. Упорно и страстно преслѣдуя эту вовсе не научную цѣль, авторы [1]) обнаружили неразборчивость, легковѣріе и явное пристрастіе какъ въ выборѣ источниковъ, такъ и въ способѣ пользованія ими Другое церковно-историческое сочиненіе, явившееся нѣсколько позднѣе (1597—1609 г.) Annales ecclesiastici кардинала Баронія, написано тоже въ полемическомъ, хотя и болѣе сдержанномъ, тонѣ, такъ какъ цѣлію при его написаніи было—парализовать впечатлѣніе, произведенное Магдебургскими Центуріями, которыя Бароній называлъ центуріями сатанинскими. Эти два сочиненія, одно протестанское, другое католическое, надолго опредѣлили характеръ западной церковно-исторической науки Церковно-историческія сочиненія, непосредственно слѣдовавшія за ними, особенно протестантскія, всѣ прямо или косвенно суть сочиненія не столько историческія, сколько конфессіонально-полемическія. Извѣстный историкъ Шаффъ такъ характеризуетъ церковную исторію XVI и XVII в. «Въ XVI и XVII вв.—говоритъ онъ—исторію писали съ конфессіональной точки зрѣнія и она служила конфессіональнымъ интересамъ партіи Какъ протестанты, такъ и католики обратили ее въ арсеналъ, откуда брали оружіе для пораженія своихъ противниковъ. У тѣхъ и другихъ всегда было цѣлію—себя представить правовѣрующими наслѣдниками или возстановителями чистаго католическаго ученія, а противниковъ еретиками нововводителями»... При этомъ «конечно не было недостатка въ несправедливостяхъ и крайностяхъ съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ какъ римско-католическіе полемики, при помощи отчасти неподлинныхъ, или подозрительныхъ документовъ, старались относить въ глубокую древность учрежденія очевидно уже позднѣйшаго происхожденія,—а реформацію выводили изъ самыхъ нечистыхъ побужденій, протестантскіе полемисты съ такимъ же духомъ партіи и еще съ большимъ насиліемъ искажали исторію римско-католической церкви и совсѣмъ не признавали великой заслуги ея

[1]) Составленіемъ Центурій занималась довольно многочисленная корпорація ученыхъ богослововъ Инициаторомъ дѣла и главою его былъ нѣкто Матвѣй Фляцій. Подробности см въ книгѣ проф А. Лебедева: «Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи». Москва 1881 г., стр. 10 и слѣд.

въ христіанизированіи и цивилизаціи романскихъ и германскихъ народовъ»[1]). Къ полемикѣ между католиками и протестантами, опредѣлившей характеръ старыхъ церковно-историческихъ сочиненій, нужно присоединить еще полемику между протестантскими сектами, особенно между лютеранами и реформатами. «Сходясь въ противленіи римской церкви лютеранскіе и реформатскіе историки XVI и XVII в. настолько разнились между собою, насколько каждая партія старалась въ отеческихъ вѣкахъ найти свое отличительное ученіе, при чемъ конечно терялась чисто-историческая точка зрѣнія», т. е. сочиненія ихъ получали противо-историческій характеръ. Что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что всѣ они считали себя безпристрастными и имѣли задачею писать исторію объективно, преслѣдуя одну истину и это обозначали иногда даже и въ самыхъ заглавіяхъ своихъ сочиненій. Такъ въ концѣ XVII в. одинъ изъ весьма ученыхъ протестантскихъ историковъ Готфридъ Арнольдъ издалъ весьма солидное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Безпристрастная исторія церкви и ересей—Unpartheysch Kirchen und Ketzer-Historien (1699—1700). Мы весьма ошиблись бы, если бы повѣрили этому заглавію. Не смотря на заявленіе о безпристрастіи, авторъ всецѣло стоитъ на той же полемической почвѣ, на какой стояли авторы Магдебургскихъ Центурій. Какъ у нихъ, такъ и у него задача церковно-историческая еще не выдѣлена отъ задачи полемической. Истиннымъ побужденіемъ къ составленію исторіи для автора былъ духъ полемики, крайнее нерасположеніе къ направленію протестантства того времени Выходя изъ страннаго воззрѣнія, что носителями евангельской истины, какъ въ древнее, такъ и въ послѣдующее время, были одни еретики, онъ сдѣлалъ свое сочиненіе апологіей всевозможныхъ еретиковъ противъ католиковъ и протестантовъ—задача оригинальная. Можно себѣ представить, какъ авторъ долженъ былъ обращаться съ историческими источниками, чтобы извлечь изъ нихъ доказательства своихъ мыслей.

Обыкновенно думаютъ, что полемическо конфессіональный элементъ господствовалъ въ Церковной Исторіи только въ XVI и XVII в.в. и что съ начала XVIII в. наступила новая эпоха

[1]) Исторія церк. исторіи, пер. изъ Шаффа. Труды Кіевск. Дух Акад. 1861. II. 216—217. Schaff, Geschichte der Apostolischen Kirche.

Церковной Исторіи, открывшись направленіемъ супранатурально-прагматическимъ. Лучшимъ представителемъ этого направленія считаютъ Мосгейма (1755). Этого историка дѣйствительно трудно упрекнуть въ партійности, хотя и онъ не совершенно чуждъ ея. Но это направленіе было лишь кратковременною реакціею Во второй половинѣ XVIII в. оно смѣнилось другимъ направленіемъ, которое по тенденціозности нисколько не уступаетъ направленію Магдебургскихъ Центурій. Это направленіе, продолжающееся и доселѣ, можетъ быть названо *философско-конфессіональнымъ* и, если не прямо то косвено, *полемическимъ*. Подъ вліяніемъ различныхъ системъ философіи, оно принимаетъ тотъ или иной характеръ, но всегда содержитъ въ себѣ нѣчто преднамѣренное и партіозное, а слѣдовательно не вполнѣ сообразное съ истинными цѣлями и задачами исторіи. Противоисторичность этого направленія особенно ярко выступаетъ въ первой серіи историковъ этого рода, писавшихъ подъ вліяніемъ вольфіанской популярной философіи, французскаго энциклопедизма и вообще раціонализма. Представителями этого направленія считаются Землеръ, Планкъ и Генкэ. Исторіографы такъ характеризуютъ это направленіе. Это «направленіе исторіографіи не есть въ собственномъ смыслѣ историческое. Оно не имѣло серьезнаго глубокаго призванія изучать исторію, объяснять факты протекшей жизни христіанской, установить болѣе правильный и вѣрный взглядъ на судьбы церкви; исторія обращаетъ на себя вниманіе представителей этого направленія преимущественно какъ средство для того, чтобы если не подорвать значеніе христіанства, то по крайней мѣрѣ умалить въ глазахъ общества значеніе религіознаго элемента въ жизни человѣка; для этой цѣли изъ исторіи христіанства набирались и предъявлялись преимущественно такіе факты, которые указывали на темные стороны въ исторіи церкви, и подобные факты историки старались выставлять какъ самыя характеристическіе, въ которыхъ выразилась самая сущность религіозной жизни человѣчества въ прежнее время»[1]) «Направленіе это—говоритъ другой исторіографъ—собственно *не историческое*; оно не имѣетъ никакой привязанности къ исторіи, какъ къ исторіи, но видитъ въ ней только отрицательный интересъ

[1]) Лебедевъ Очерки... стр. 77, 78

для упражненія на ней своей разрушительной критики». Въ немъ «все сводится къ субъективному основанію»[1]). Вообще, въ научно-историческомъ отношеніи направленіе это ничтожно; однако, ему приписываютъ нѣкоторыя заслуги и между прочимъ ту заслугу, что своими крайностями оно вызвало къ бытію и дѣятельности такъ называемую ортодоксально-протестантскую школу Неандера, въ которой мы имѣемъ лучшую обработку Церковной Исторіи и лучшее пониманіе христіанства и его исторіи.

Неандера (1850) называютъ «отцемъ новѣйшей церковной исторіи». Онъ и дѣйствительно по своимъ талантамъ и направленію стоитъ такъ высоко, что никто другой изъ церковныхъ историковъ до настоящаго времени не могъ съ нимъ сравняться. Однако и онъ, будучи протестантомъ и ученикомъ Шлейермахера, заплатилъ дань партіозности и субъективизму, и не могъ совершенно выдѣлить себя изъ общаго направленія, которое мы назвали философско-конфесіопальнымъ. Его понятія объ индивидуальности въ религіи, о всеобщемъ священствѣ, его понятіе о христіанской религіи, какъ о чемъ-то исключающемъ собою церковь, существующемъ только внѣ и подлѣ церкви, весьма невыгоднымъ образомъ отразились на его исторіи. Исторія эта не церковна. Шаффъ говоритъ, что Неандеръ есть «историкъ по преимуществу невидимой церкви и потому самымъ отчетливымъ и оригинальнымъ образомъ изображаетъ развитіе христіанскаго ученія и христіанской жизни, особенно насколько они отразились въ частныхъ богословахъ и благочестивыхъ мужахъ, и съ этой стороны онъ превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ Напротивъ, во всемъ, что относиться больше ко внѣшнимъ явленіямъ церкви, онъ видитъ мало интереса. Особенно это относится къ отдѣламъ объ устройствѣ церковномъ, которое уже и въ первомъ періодѣ представлено (у него) весьма не удовлетворительно и подъ вліяніемъ его антипатіи къ іерархическому началу. На свѣтскую и политическую сторону церковной исторіи, обнаруживающуюся особенно въ области церковнаго устройства, на связь церкви съ государствомъ» и т. п. онъ тоже не обращалъ вниманія Не обращалъ вниманія онъ также и на эстетическую и художественную сторону

[1]) Шаффъ Тр. К Ак. 1861. II. 134.

христіанской религіи и на культъ. «Нечего и искать въ его сочиненіи обстоятельнаго изображенія того вліянія, какое христіанство имѣло и на эту область человѣческой жизни; у него нѣтъ исторіи пластики, живописи, архитектуры, музыки, поэзіи, а также и всего того, что относится къ великолѣпію и символикѣ средневѣковаго историческаго культа». Опредѣленное въ своихъ формахъ богослуженіе, по его мнѣнію, есть явленіе ненормальное, «ниспаденіе въ область чувственности съ ея немощами»[1]). Что̀ все это значитъ, какъ не то, что и Неандеръ проводилъ чрезъ свою исторію свои субъективныя и конфессіональныя идеи?

Несравненно болѣе субъективизма и полную анти-историчность обнаруживаетъ другой корифей новѣйшей протестантской церковно-исторической науки Бауръ—послѣдователь гегелевой философіи и глава такъ называемои новотюбингеской школы († 1860). Усвоивъ себѣ измышленную Гегелемъ теорію развитія посредствомъ тезисовъ и антитезисовъ, онъ приложилъ эту теорію къ исторіи христіанства и въ частности къ исторіи его происхожденія, и перестроилъ древнюю церковную исторію до неузнаваемости. Чтобы втиснуть послѣдовательность церковно-историческихъ событій въ рамку этой теоріи, Бауръ ни предъ чѣмъ не останавливается. Самые подлинные документы, если они не благопріятствуютъ теоріи, отвергаются имъ какъ неподлинныя или урѣзываются и исправляются смотря по надобности. Тоже дѣлается и съ фактами, которые подлинны даже съ его точки зрѣнія. Онъ обращается съ ними безъ всякой церемоніи: то урѣзываетъ, то преувеличиваетъ ихъ значеніе, древніе мѣшаетъ съ новѣйшими,—и все это для того, чтобы оправдать теорію. «Онъ не хочетъ ставить себя въ нормальное отношеніе къ дѣйствительной исторіи» и свой «предвзятый субъективизмъ хочетъ поставить законодателемъ исторіи. Изъ идеи онъ хочетъ получить знаніе о томъ, какъ должно быть, для того, чтобы не имѣть нужды наблюдать, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе чего Бауръ хочетъ передѣлать самые факты, перемѣшать и размѣстить ихъ въ иномъ порядкѣ, нежели какъ они размѣщены ходомъ событій въ дѣйствительной исторіи,—и все это потому, что въ такомъ дѣйствительномъ видѣ

[1]) Лебедевъ Очерки .. стр. 137, 138.

они очень неудобно укладываются въ тѣхъ схемахъ, которыя такъ дороги Бауру, вслѣдствіе его наклонности къ гегелевскимъ доктринамъ Отсюда такъ много произвола въ построеніи имъ исторіи не только первоначальнаго христіанства, но и исторіи дальнѣйшихъ временъ христіанской церкви» [1]). Вообще, церковная исторія Баура въ существѣ дѣла есть не столько исторія, сколько «опытъ приложенія философскихъ идей Гегеля къ прошедшимъ судьбамъ христіанства» [1]). Понятно, какъ мало истинно-историческаго можно найти въ исторіи подобнаго рода Однакожъ составитель ея стоитъ во главѣ цѣлой школы, которая имѣетъ большую силу даже и въ настоящее время, особенно когда дѣло касается исторіи первыхъ вѣковъ христіанской эры. И въ настоящее время въ протестантско-нѣмецкой литературѣ рѣдко можно встрѣтить книгу, посвященную вопросамъ о первыхъ вѣкахъ христіанства, на которой не отражалось бы вліяніе Бауровыхъ воззрѣній, хотя большею частію съ нѣкоторыми измѣненіями.

Одна изъ такихъ книгъ, вышедшая недавно, принадлежитъ перу автора, который по талантамъ и трудолюбію обѣщаетъ превзойти Баура. Это учебная книга исторіи христіанскаго догмата — Lehrbuch der Dogmengeschichte (Freiburg 1886 — 1887), составленная Адольфомъ Гарнакомъ профессоромъ церковной исторіи въ Берлинскомъ университетѣ. Своими многочисленными критическими этюдами, особенно по части древне-христіанской литературы авторъ успѣлъ завоевать себѣ первенствующее положеніе среди современныхъ церковныхъ историковъ. Необыкновенный критическій талантъ и глубокая эрудиція сообщаютъ громадную цѣну его изслѣдованіямъ. Тѣмъ поразительнѣе видѣть, какъ подъ давленіемъ тенденціи и предвзятой теоріи извращаются самыя высокія ученыя качества. Теорія Гарнака, какъ и многихъ другихъ, таже, что и Баура. Это—пресловутая *теорія развитія*, стремящаяся объяснить происхожденіе и развитіе христіанства путемъ естественнымъ изъ малаго зародыша, содержательность котораго представляется большею или меньшею, смотря по тому, какихъ воззрѣній держится тотъ или иной ав-

[1]) Лебедевъ, Опытъ.... стр. 194, 197, 195.

торъ на сущность христіанской религіи, признаетъ ли ее божественною и откровенною или нѣтъ. Такъ какъ Гарнакъ христіанскую религію не признаетъ откровенною, то по его воззрѣнію этотъ первоначальный зародышъ имѣетъ столь минимальную величину и столь малое содержаніе, что въ немъ не находитъ мѣсто даже ученіе о Христѣ какъ Богѣ, явившееся у христіанъ будтобы уже послѣ развитія гностицизма не ранѣе 160 года. По ученію Гарнака, Христосъ училъ очень не многимъ нравственнымъ истинамъ; въ апостольскій вѣкъ сумма христіанскихъ понятій тоже была не велика Подъ вліяніемъ грекоримской образованности, юдаизма, гностицизма и другихъ ересей начало развиваться мало по малу опредѣленное христіанское вѣроученіе, которое такимъ образомъ не есть ученіе Христа и первохристіанской церкви, а явилось впослѣдствіи подъ вліяніемъ различныхъ, часто совершенно постороннихъ по отношенію къ христіанству, факторовъ. Для того, чтобы доказать все это, нужно было произвесть надъ фактами и источниками столько странныхъ и противо-научныхъ экспериментовъ, что всякій не предубѣжденный человѣкъ невольно долженъ прійти въ изумленіе. Для развитія фантастическихъ теорій въ области исторіи, чѣмъ менѣе фактовъ и источниковъ, тѣмъ лучше. Отсюда стремленіе во что бы то ни стало очистить пространство отъ всего, что могло бы мѣшать полету фантазіи. Съ этою цѣлью еще Бауръ подвергъ необыкновенно придирчивой и произвольной критикѣ подлинность новозавѣтныхъ писаній. Результатомъ было устраненіе изъ числа подлинныхъ многихъ новозавѣтныхъ книгъ. Гарнакъ стоитъ на той-же точкѣ. Онъ отвергаетъ подлинность синоптическихъ Евангелій, Дѣяній, нѣкоторыхъ посланій ап. Павла и соборныхъ. Въ его интересахъ было отвергнуть подлинность даже всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ. Но многіе изъ нихъ носятъ настолько рѣзкую печать подлинности, что сдѣлать это не оказывается никакой возможности. Онъ вынужденъ допустить подлинность Евангелія Іоанна и большей части посланій ап. Павла Если изобразить первохристіанское ученіе на основаніи однихъ этихъ несомнѣнно подлинныхъ посланій ап. Павла, и тогда получится такой полный комплексъ христіанскихъ вѣрованій, что онъ будетъ стоять въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ тѣмъ, что предположено въ этомъ отношеніи Гарнакомъ.

Но теорія не уступаетъ и очевидному факту. Гарнакъ не рѣшился отвергнуть подлинность Іоаннова Евангелія, но онъ не хочетъ имъ пользоваться, ссылаясь на то, что происхожденіе этого Евангелія для него «мудренѣйшая загадка». Гарнакъ признаетъ подлинность. Павловыхъ посланій, но не хочетъ ими пользоваться для характеристики перво христіанскаго вѣроученія, утверждая совершенно произвольно, что Павловы посланія до половины II в не были извѣстны церкви, или по крайней мѣрѣ до этого времени не имѣли вліянія на образованіе христіанскаго вѣроученія.. [1]) Но однакожъ, если посланія эти подлинно Павловы, то они несомнѣнно по содержанію своему тождественны съ тѣмъ, что Павелъ проповѣдывалъ устно; слѣдовательно содержаніе ихъ было извѣстно.

---

[1]) Подробный анализъ сочиненія Гарнака см. Прав. Обозрѣніе 1889 г. Январь- Мартъ въ статьѣ Л. «Новый образчикъ превратнаго пониманія исторіи древней церкви въ нѣмецкой богословской литературѣ» Не удивительно, что у насъ въ Россіи, гдѣ нѣмецкая церковно историческая, особенно протестантская, литература весьма хорошо извѣстна, издавна въ средѣ духовной интеллигенціи господствуетъ боязливое отношеніе къ наукѣ церковной исторіи, такъ что церковно-историческія изслѣдованія чаще всего встрѣчаются у насъ не съ радостью, а съ тревогою и опасеніемъ. Съ этой стороны весьма характернымъ фактомъ представляется намъ появленіе въ свѣтъ перваго выпуска Исторіи Церкви проф. С -Пет. дух. академіи Чельцова, оставшейся безъ продолженія. Исторія эта, вышедшая въ свѣтъ въ 1861, сама по себѣ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, такъ какъ есть компиляція съ исторіи Неандера. Но въ ней замѣчательно предисловіе. Замѣчательно, что авторъ этого предисловія счелъ нужнымъ прежде всего по возможности разсѣять опасенія и тревоги указаннаго рода «Наука—говоритъ онъ—такое недавнее явленіе въ нашемъ православномъ мірѣ, что многіе изъ самыхъ вѣрующихъ и благочестивыхъ людей боятся ея какъ чего-то враждебнаго вѣрѣ». Указавъ затѣмъ на Климента Александрійскаго, который строго осуждаетъ недовѣріе къ наукѣ, авторъ продолжаетъ: «не считая себя въ правѣ раздѣлять строгость его сужденій, я думаю, что въ наше время подобное недовѣріе къ свободнымъ изслѣдованіямъ науки—со стороны многихъ несомнѣнно благонамѣренныхъ людей происходитъ не столько отъ боязни за вѣру, сколько отъ сомнѣнія въ способности извѣстныхъ лицъ, принимающихся за научное изслѣдованіе предметовъ вѣры, вести свое дѣло съ дѣйствительнымъ, а не воображаемымъ знаніемъ Склоняю голову предъ такою мудрою осторожностію, но въ тоже время отъ всей души раздѣляю то мнѣніе Климента, что наша святая православная церковь не только не должна страшиться никакихъ научныхъ критическихъ изслѣдованій, но можетъ полагать въ нихъ одно изъ средствъ для своего торжества» и т. д.

Мы охарактеризовали только главнѣйшихъ представителей протестантской церковно-исторической науки, по общему мнѣнію наиболѣе ученыхъ и даровитыхъ и вообще занимающихъ выдающееся положеніе въ исторіи нашей науки. Къ нимъ примыкаетъ множество учениковъ и послѣдователей, не менѣе ученыхъ, но менѣе оригинальныхъ и даровитыхъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ, большею частію учебникахъ, хотя пропагандируютъ въ сущности тѣже идеи и слѣдуютъ тому-же направленію, но большею частію обезцвѣчиваютъ его, сглаживаютъ рѣзкости и эксцентричности. Иногда они достигаютъ значительной степени объективности, но никогда совершенно не отрѣшаются отъ конфессіональнаго субъективизма.

Что касается католиковъ, то ихъ церковно-историческіе труды тоже весьма велики, но по оригинальности и значенію они считаются — и справедливо—гораздо ниже немѣцко-протестантскихъ. По тону и характеру изслѣдованія, они значительно умереннѣе и спокойнѣе протестантскихъ. Даже Анналы Баронія, какъ мы видѣли, хотя написаны съ полемическою цѣлію однако тонъ ихъ гораздо болѣе умѣренъ и спокоенъ, чѣмъ тонъ Магдебургскихъ Центурій. Съ этимъ согласны и сами протестанты (Бауръ). Но тѣмъ не менѣе конфессіональный элементъ въ католическихъ церковныхъ исторіяхъ имѣетъ не меньшее развитіе, чѣмъ въ протестантскихъ. Стремленіе оправдать всѣ особенности папской системы божественнымъ авторитетомъ и церковно-историческимъ преданіемъ даетъ себя знать столь-же сильно и назойливо, какъ у протестантовъ и раціоналистовъ стремленіе низвести христіанство въ кругъ обыкновенныхъ антропологическихъ функцій. Не говоря уже о главенствѣ папы—этомъ кардинальномъ пунктѣ римско-католической системы, даже и для всѣхъ другихъ особенностей вѣроученія и культа римско-католическіе историки стараются подыскать основанія въ перво-христіанской древности, при чемъ, по крайней мѣрѣ въ старое время, они не прочь были прибѣгать къ порчѣ и поддѣлкѣ документовъ, т е. совершать самое великое преступленіе, какое только можетъ быть мыслимо въ области науки, идеалъ который есть одна единая истина. Системы церковной исторіи у римско-католиковъ вслѣдствіе этого суть весьма часто не столько исторіи церкви сколько исторіи папъ. Даже дѣленіе матеріала часто имѣетъ своею исходною

точкою единственно папъ, такъ что событія разсматриваются по понтификатамъ, какъ въ нѣкоторыхъ гражданскихъ исторіяхъ по царствованіямъ. Отсюда взглядъ на такъ называемыхъ схизматиковъ какъ на бунтовщиковъ противъ царя—папы и въ высшей степени несправедливое къ нимъ отношеніе.

Таково въ общихъ чертахъ направленіе западной церковно-исторической науки. Ея характерная черта, это крайній *конфессіонализмъ*. Церковная Исторія въ западной обработкѣ такъ много заключаетъ въ себѣ антиисторическихъ элементовъ, что трудно назвать ее исторіей въ собственномъ смыслѣ. Это и дѣйствительно часто не исторія, а историко-полемическая апологія разнаго рода вѣроисповѣданій,—это *историческая теологія*, какъ она часто и называется на западѣ.

Замѣтимъ, что эта данная нами краткая характеристика не есть результатъ нашего только личнаго впечатлѣнія, а есть мнѣніе, если не всеобщее, то весьма распространенное и поддерживаемое многими солидными учеными, имѣвшими случай близко, основательно и долгое время изучать какъ протестантскую, такъ и католическую историографію И мы дѣлая свою характеристику, старались нарочито говорить большею частію ихъ собственными словами

Замѣтимъ также, что давая такую характеристику общаго направленія западной церковно, исторической науки, мы не думаемъ умалять высокаго научнаго значенія многочисленныхъ ученыхъ работъ, совершенныхъ представителями этой науки на западѣ Не думамъ мы также презрительно относиться къ ихъ односторонности къ ихъ ошибкамъ, невѣрностямъ въ освѣщеніи и толкованіи фактовъ и вообще ко всему тому, что вытекаетъ у нихъ изъ мотивовъ религіозно-субъективныхъ и конфессіональныхъ. Субъективизмъ въ исторіи такое явленіе которое весьма трудно устранить. Особенно трудно устранить субъективный элементъ изъ Церковной Исторіи, ибо субъективизмъ здѣсь особаго рода—субъективизмъ религіозный и въ частности конфессіональный Субъективизмъ этотъ отличается особенною интенсивностію, особенною яркостію и страстностію своихъ проявленій, и, кромѣ того, по самому внутреннему характеру своему содержитъ въ себѣ нѣкотораго рода психическую принудительность, что обусловлено особенностями того предмета, къ которому онъ относится. Предметъ этотъ

религія, предметъ такой, который затрогиваетъ всѣми своими сторонами самые дорогіе интересы духовной жизни человѣка .. Можетъ ли человѣкъ вѣрующій (а это для церковнаго историка обязательно) при изслѣдованіи этого предмета быть ни теплымъ ни холоднымъ. Съ этой точки зрѣнія субъективный элементъ въ Церковной Исторіи имѣетъ какъ-бы законное право на существованіе. Тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть по возможности устраненъ отсюда или по крайней мѣрѣ заключенъ въ строгіе границы, ибо присутствіе его здѣсь, особенно когда онъ соединяется съ конфессіональной или философской нетерпимостію, часто отражается на достоинствахъ научнаго изслѣдованія крайне вреднымъ образомъ Не перечисляя здѣсь множества частныхъ пунктовъ, гдѣ можно наблюдать это вредное вліяніе субъективизма въ Церковной Исторіи, мы укажемъ только одинъ наиболѣе общій и довольно важный, а именно на пристрастіе западныхъ церковныхъ историковъ-протестантовъ къ изученію извѣстныхъ только сторонъ церковной жизни - тѣхъ именно, гдѣ представляется болѣе возможности прилагать и развивать излюбленныя теоріи. Исторія Церкви при изображеніи послѣдовательныхъ перемѣнъ въ жизни церкви должна имѣть въ виду эту жизнь въ ея полномъ составѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ внутреннюю сторону этой жизни, такъ и внѣшнюю: для историка должны быть одинаково важны какъ та, такъ и другая Не то мы видимъ у западныхъ, особенно протестантскихъ историковъ Они преимущественно заинтересованы, какъ это мы видѣли на примѣрахъ Баура и Гарнака,— вопросомъ о происхожденіи христіанства, исторіей догмата, ученіемъ церкви и потому сравнительно мало обращаютъ вниманія на внѣшнюю сторону церковной жизни Вслѣдствіе этого, ихъ исторіи являются односторонними, болѣе исторіями догмата, чѣмъ исторіями церкви вообще. Отчасти послѣдствіемъ, отчасти проявленіемъ этой догматической односторонности было то что изслѣдованіе внѣшней стороны христіанской жизни, до крайности стѣсненное въ области Церковной Исторіи, мало по малу совершенно выдѣлилось изъ нея и обособилось въ отдѣльную науку, которая получила названіе *Церковной Археологіи.*

И вотъ въ области этой-то науки, составлявшей первоначально не что иное, какъ только отдѣлъ Церковной Исторіи, возникаетъ въ новѣйшее время реакція, обѣщающая въ зна-

чительной мѣрѣ преобразовать принятыя доселѣ методы церковно-историческаго изслѣдованія разширить кругозоръ церковной исторіи и избавить ее отъ вредныхъ послѣдствій конфессіонализма.

Церковная Археологія въ качествѣ науки о внѣшнемъ церковномъ бытѣ и о церковномъ культѣ существовала довольно долго и обработывалась весьма усердно и съ большимъ успѣхомъ особенно въ теченіе прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія Но такъ какъ она обрабатывалась тѣмъ-же методомъ и на основаніи тѣхъ-же источниковъ, какъ и исторія, то и не могла имѣть активнаго вліянія на эту послѣднюю Напротивъ составляя въ сущности лишь часть древней церковной исторіи, восполняющую ея односторонность, она сама находилась отъ нея въ зависимости, такъ что и въ нее чистопроникали тенденціи конфессіонализма, свившія себѣ столь прочное гнѣздо въ области Церковной Исторіи Такъ стояло дѣло почти до половины текущаго столѣтія, когда Церковная Археологія подверглась коренному преобразованію, получивъ свой особый самостоятельный предметъ и свой особый методъ Переворотъ этотъ совершился благодаря особому развитію чисто научныхъ изысканій въ области вещественныхъ памятниковъ христіанской древности, изысканій, начало которымъ положилъ знаменитый римскій археологъ Дѐ Росси, справедливо считающійся основателемъ научно-монументальной христіанской археологіи Изученіе христіанскихъ монументовъ существовало и ранѣе начиная по крайней мѣрѣ съ половины XVI в., но благодаря ненаучнымъ методамъ было почти безплодно. Изслѣдователи списывали надписи, срисовывали живописи, но при этомъ весьма мало заботились о точности и еще менѣе о документальности по отношенію къ рѣшенію вопросовъ о мѣстѣ и времени ихъ происхожденія. Не имѣя надлежащихъ датъ, памятники, изданныя этими изслѣдователями, наприм., Перѐ и Даженкуромъ, не имѣли почти никакого научнаго значенія, и церковные историки не даромъ относились къ нимъ пренебрежительно и подозрительно. Де-Росси приложилъ къ изслѣдованію христіанскихъ монументовъ другой методъ — чисто научный Онъ принялся съ особеннымъ стараніемъ за рѣшеніе вопросовъ хронологическихъ и топографическихъ и началъ составлять такое описаніе монументовъ, въ которомъ каждый изъ

нихъ получаетъ значеніе точно опредѣленнаго и несомнѣннаго церковно историческаго факта Благодаря особеннымъ достоинствамъ метода изслѣдованія, ему удалось своими знаменитыми изданіями Roma sotterranea и Bulletino di archeologia cristiana ввести въ научное обращеніе множество совершенно новаго матеріала, въ высшей степени цѣннаго и разнообразнаго и притомъ критически обработаннаго, вообще такого, съ которымъ Церковная Исторія уже не можетъ не считаться. Отсюда неизбѣжность вліянія церковно-археологическихъ открытій на исторію и здѣсь по нашему мнѣнію, зародышъ нѣкоего новаго направленія въ древней Церковной Исторіи, направленія археологическаго, особенности котораго опредѣляются тѣснымъ сближеніемъ между Церковной Исторіей съ Археологіей, введеніемъ археологическихъ открытій въ церковно-историческое изложеніе, и которое въ послѣднее время уже довольно явственно намѣчается.

Пользованіе археологическими открытіями, вообще говоря, не новость для исторической науки Гражданская исторія, особенно исторія древняго востока, наприм, Египтянъ, Вавилонянъ, а отчасти и классическихъ народовъ, издавна ставитъ археологическіе памятники, открытые и вновь открываемые, на самое почетное мѣсто въ ряду своихъ источниковъ, и воспроизводитъ исторію этихъ народовъ иногда исключительно на основаніи этихъ памятниковъ, при чемъ часто получаются блестящія, въ высшей степени рельефныя и ясныя картины, и вообще чрезвычайно цѣнные и иногда неожиданные результаты. Правда, что выдающаяся роль археологическихъ памятниковъ въ данномъ случаѣ обусловлена главнымъ образомъ недостаткомъ письменныхъ источниковъ, но тѣмъ не менѣе отъ этого наука остается выигрышѣ, а это и главное. Впрочемъ отъ пользованія археологическими памятниками наука остается въ выигрышѣ и тогда, когда литературные источники не скудны. И въ этомъ случаѣ археологическіе памятники очень часто даютъ существенныя дополненія, объясненія и исправленія. Церковная Исторія также въ числѣ своихъ источниковъ ставитъ и археологическіе памятники; но до послѣдняго времени, отчасти вслѣдствіе неразработанности этой области, отчасти вслѣдствіе своего односторонняго развитія, почти не пользовались ими.

Въ настоящее время слѣды вліянія церковно-археологическихъ открытій на Церковную Исторію уже довольно явственны. Нынѣ церковные историки довольно уже часто и довольно охотно эксплуатируютъ открытія археологіи, прибѣгая къ ея помощи не только для иллюстрированія историческихъ извѣстій о древнехристіанскомъ бытѣ, искусствѣ и т. п., для обрисовки нѣкоторыхъ подробностей въ общемъ состояніи перво-христіанскаго общества, но и для проясненія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ въ исторіи христіанскаго ученія и христіанской мысли. Мало того, между современными историками есть уже и такіе, которые археологическимъ памятникамъ, какъ источнику исторіи, придаютъ даже чрезвычайно важное доселѣ необычное значеніе и ставятъ ихъ чуть не на первомъ мѣстѣ. Таковъ особенно французскій ученый Альяръ (Allard), сравнительно еще недавно начавшій обнародовать свои церковно-историческіе труды, но успѣвшій уже обратить на себя вниманіе оригинальностію постановки вопросовъ и особенною приверженностію къ археологіи. Это одинъ изъ самыхъ преданныхъ и талантливыхъ учениковъ Де-Росси. На ученое поприще онъ выступилъ съ компиляціею «Подземный Римъ—резюме открытій Де-Росси въ римскихъ катакомбахъ», имѣвшей большой успѣхъ. Далѣе слѣдуютъ его сочиненія: О христіанскихъ рабахъ съ первыхъ вѣковъ христіанства до паденія западной римской имперіи [1]), увѣнчанное французской академіей, и другое подъ заглавіемъ: Языческое искусство при христіанскихъ императорахъ [2]). Въ послѣднемъ сочиненіи Альяръ даетъ подробную исторію классическихъ монументовъ со временъ Константина великаго до опустошенія Рима Вандалами, при чемъ на основаніи археологическихъ данныхъ, вопреки Гиббону и нѣкоторымъ историкамъ искусства, развиваетъ и доказываетъ положеніе, высказанное въ первый разъ Де-Росси, что памятники языческаго искусства, послѣ того, какъ христіанство заняло господствующее положеніе, отнюдь не были уничтожаемы христіанами, которые напротивъ относились къ нимъ, какъ къ произведеніямъ искусства, съ уваженіемъ. Наконецъ съ 1885 г.

---

[1]) Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'eglise jusq' la fin de la domination romaine en occident. 2-me edit. 1876. Paris.

[2]) L'art paien sous les empereurs chrétiens. Paris 1879.

Альяръ началъ издавать свою «Исторію гоненій по археологическимъ документамъ»[1]) и успѣлъ издать уже три большіе тома. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Альяръ заявляетъ горячее и систематическое стремленіе дополнить и исправить изображеніе судебъ древне-христіанской церкви при помощи вновь открытаго весьма обильнаго археологическаго матеріала. Стремленіе это правда не всегда увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, такъ какъ археологическій матеріалъ все-таки довольно еще односторонечъ, да и не вполнѣ еще достаточенъ,—однакожъ въ сочиненіи Альяра не мало можно насчитать и такихъ пунктовъ, въ которыхъ прежнія церковно-историческія свѣдѣнія при помощи археологіи значительно дополняются или подкрѣпляются и даже исправляются. Въ этомъ сочиненіи есть цѣлые отдѣлы, которые въ прежнихъ исторіяхъ вовсе не помѣщались. Кромѣ Альяра въ числѣ представителей или выразителей того же такъ сказать археологическаго направленія мы можемъ поставить еще и другаго французскаго ученаго—протестанта Рольера (Roller), который въ 1881 г. издалъ два громадные тома подъ заглавіемъ: «Римскіе катакомбы. Исторія искусства и религіозныхъ вѣрованій въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанства»[2]). Здѣсь въ этой исторіи религіозныхъ вѣрованій, доведенной почти до IX в., археологическій матеріалъ занимаетъ уже главное и совершенно господствующее положеніе, хотя обработанъ какъ въ исторіи, въ хронологическомъ порядкѣ и съ церковно-исторической цѣлію. Правда, что оба поименованные автора, одинъ католикъ, другой протестантъ, написали не полныя церковныя исторіи, а только монографіи по древней церковной исторіи, но въ полныхъ церковныхъ исторіяхъ принципъ пользованія археологическими открытіями съ полною послѣдовательностію едва-ли и проведенъ быть можетъ.—Само собой понятно, что археологическія памятники особое значеніе имѣютъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о древнемъ періодѣ, который для насъ труднѣе понять, чѣмъ періоды позднѣйшіе, періодѣ, который

---

[1]) Histoire des persécutions... d'apres les documents archeologiques Paris. 1885, 1886, 1887. Послѣдній томъ озаглавливается: Les dernières persecutions du troisieme siècle.

[2]) Roller. Les catacombes de Rome. Histoire de l'art et des croyances religieuses pendant les premiers siecles du christianisme. Paris. 1880.

въ исторіи церкви имѣетъ первостепенную важность, но не достаточно полно засвидѣтельствованъ письменными документами.—При томъ же дѣло у насъ идетъ о направленіи только еще начинающемся, зараждающемся, и мы не можемъ еще знать, что выйдетъ изъ него впослѣдствіи, когда археологическія изслѣдованія захватятъ бо́льшее поле и когда почти нетронутая еще почва Востока—родины и древнѣйшаго процвѣтанія христіанства—откроетъ свои нѣдра Кто знаетъ, какъ радикально будутъ переработаны тогда многіе важнѣйшіе отдѣлы древней церковной исторіи? Мы вѣримъ, что это будетъ, что намѣчающееся нынѣ направленіе церковно-исторической науки имѣетъ хорошую будущность и что это направленіе для настоящаго времени и для даннаго случая самое цѣлеобразное.

Что же однакожъ получаетъ и что можетъ надѣяться получить современная церковно-историческая наука отъ этого направленія, отъ этого вторженія въ ея область церковной археологіи? Несомнѣнно, что Церковная Исторія отъ этого вторженія выигрываетъ очень много. Мы могли бы это доказать подробнымъ изложеніемъ многихъ болѣе или менѣе важныхъ церковно-историческихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ уже при помощи церковной археологіи, но дѣлать это здѣсь не удобно. Ограничимся краткимъ перечнемъ важнѣйшаго и наиболѣе бросающагося въ глаза. 1) Мы говорили, что доселѣ Церковная Исторія, подъ вліяніемъ конфессіонально-догматическаго направленія, сравнительно не много обращала вниманія на исторію внѣшнихъ проявленій христіанской религіозной жизни въ культѣ, обычаяхъ, нравахъ, искусствѣ и т. п. Это зависѣло отчасти и отъ сравнительной бѣдности источниковъ. Изображеніе внѣшняго быта требуетъ наглядности, при чемъ самой лучшей иллюстраціей должны служить конечно вещественные памятники этого быта, а памятники эти до послѣдняго времени были почти неизвѣстны. Нынѣ же при помощи церковно-археологическихъ данныхъ этотъ отдѣлъ Церковной Исторіи можетъ быть обработанъ съ небывалой широтою и основательностію. Теперь здѣсь многое можетъ получить иное освѣщеніе и церковный бытъ можетъ быть обрисованъ со многихъ новыхъ сторонъ 2) Даже и въ тѣхъ отдѣлахъ Церковной Исторіи, гдѣ письменные памятники весьма не скудны, археологическія открытія даютъ новыя и важныя дополненія. Такъ изъ книги Альяра,

равно какъ изъ сочиненій Де-Росси и Леблана мы можемъ видить, что матеріалъ мартирологическій и агіологическій, вслѣдствіе археологическихъ открытій, увеличивается въ неожиданной мѣрѣ, а это очень важно. Извѣстно, что церковь есть общество, состоящее изъ отдѣльныхъ равноправныхъ предъ Богомъ, членовъ или индивидуумовъ и что жизнь церкви есть совокупность религіозной жизни ея членовъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ имѣть свѣдѣній о жизни отдѣльныхъ членовъ церкви, тѣмъ болѣе мы будемъ имѣть возможности изображать полнѣе общую жизнь церкви Свѣдѣнія о жизни отдѣльныхъ членовъ церкви содержатся главнымъ образомъ въ актахъ мучениковъ и въ житіяхъ святыхъ. Но извѣстно, что доселѣ очень многія сказанія о мученикахъ, искаженныя легендами и разными добавленіями компиляторовъ, совсѣмъ исключались изъ ряда церковно-историческихъ источниковъ. Теперь нѣкоторыя изъ самыхъ подозрительныхъ мартирологическихъ документовъ неожиданно получили научную цѣнность, такъ какъ археологія удостовѣрила правдивость ихъ разсказа по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ и дала средства къ отличенію въ нихъ вымысла отъ истины. Таковы наприм. акты Нерея и Ахилла, акты св Цециліи, разсказы о мученицахъ Софіи, Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви, о св. Ипполитѣ и др. Результаты археологической критики изъ книгъ Де-Росси Альяръ перенесъ въ свою исторію и тѣмъ въ значительной мѣрѣ обогатилъ ея содержаніе. 3) Нѣкоторые вопросы, вслѣдствіе открытій археологіи, получаютъ совершенно новую постановку и рѣшеніе. Таковъ особенно вопросъ о правахъ церкви по имуществу въ III в. и вообще о юридическихъ условіяхъ, обезпечивавшихъ церкви нѣкоторые весьма важные права даже и въ вѣка гоненій, иначе вопросъ о значеніи для церкви римскихъ обычаевъ и законовъ относительно такъ называемыхъ коллегій или ассоціацій особенно погребальныхъ. Этотъ весьма важный вопросъ разрѣшенъ почти исключительно на основаніи археологическихъ данныхъ и рѣшеніе его можно считать уже общепринятымъ въ наукѣ. 4) Нѣкоторыя мнѣнія и взгляды, доселѣ вращавшіеся въ наукѣ, благодаря старымъ авторитетамъ, вслѣдствіе археологическихъ открытій низведены нынѣ въ рядъ безосновательныхъ предубѣжденій и объявлены ложными. Таковъ наприм., взглядъ многихъ историковъ на отношеніе древнихъ христіанъ къ искус-

ству вообще и въ частности къ искусству языческому, отношеніе будто-бы крайне-враждебное, бывшее причиной разрушенія многихъ первоклассныхъ произведеній античнаго искусства. Нынѣ взглядъ этотъ почти совершенно оставленъ какъ предубѣжденіе, какъ предвзятое мнѣніе, не основанное на подлинныхъ фактахъ. Таковъ-же взглядъ весьма многихъ западныхъ ученыхъ на византизмъ какъ на что-то темное, безжизненное и безобразное. Западные ученые, занимавшіеся Византіею, до послѣдняго времени относились къ предмету своихъ изслѣдованій съ непонятною односторонностію, съ явно-предвзятыми, весьма нелестными для византизма, мнѣніями. Нынѣ, благодаря болѣе внимательному изученію византійскихъ монументовъ, замѣчается довольно крутой поворотъ въ мнѣніяхъ, такъ что въ новѣйшихъ западныхъ изслѣдованіяхъ относительно напр., византійскаго искусства нерѣдкость встрѣтить самые лестные отзывы Таковы наприм., отзывы Байэ и Рольера.

Можно-бы перечислить не мало и другихъ менѣе важныхъ пунктовъ, гдѣ Археологія исправила и дополнила Церковную Исторію, но это слишкомъ затянуло-бы рѣчь. Укажу еще одинъ послѣдній пунктъ благотворнаго вліянія археологіи на Церковную Исторію, самый общій и потому можетъ быть самый важный, но который лежитъ еще въ области желаемаго. Намъ кажется, что подъ вліяніемъ Археологіи Церковная Исторія со временемъ, можетъ быть, совершенно освободится отъ тѣхъ недостатковъ, которые обусловлены слишкомъ широкимъ развитіемъ въ ея области конфессіонализма и преобладаніемъ теорій надъ фактами. Археологическая почва есть почва фактовъ, которые своею бьющею въ глаза очевидностію и наглядностію быстро охлаждаютъ полеты фантазіи и призываютъ къ порядку нашу мыслительную способность; холодные надгробные камни способны разбить въ прахъ самыя замысловатыя построенія и самыя слѣпыя предъубѣжденія. Намъ кажется, что это предсказаніе уже отчасти оправдывается Указанные нами два автора, хотя не совсѣмъ порываютъ съ конфессіонализмомъ, но тонъ ихъ уже другой. Для доказательства и въ заключеніе я позволю себѣ сослаться на послѣдняго изъ нихъ, т. е. на Рольера. Этотъ ученый протестантъ принялся за изученіе римскихъ монументовъ, открытыхъ Де-Росси, съ значительною долею предубѣжденія и изучалъ ихъ въ теченіе 15 лѣтъ. Вотъ

какъ отзывается онъ о значеніи археологическихъ римскихъ памятниковъ для Церковной Исторіи. «Катакомбы — говоритъ онъ — представляютъ собою не только старину, важную для однихъ археологовъ; они представляютъ собою страницу исторіи, куда необходимо должны стремиться современныя вѣроисповѣданія для провѣрки своихъ титуловъ. Все христіанство имѣетъ надобность констатировать на основаніи этихъ малоизвѣстныхъ, недавно еще невполнѣ изученныхъ, документовъ то, что было во времена ближайшія къ его происхожденію. Свидѣтельства отцевъ церкви даютъ относительно этого предмета существенныя разъясненія; но многія основныя пункты ихъ мыслей остаются сомнительными и спорными. Нѣтъ возможности контролировать въ достаточной мѣрѣ ихъ заявленія для того, чтобы установить ихъ цѣнность или опредѣлить ихъ смыслъ. Поэтическій и часто не довольно точный способъ выраженія оставляетъ у авторовъ первыхъ вѣковъ христіанства многія вещи въ темнотѣ Эта темнота не можетъ-ли быть частію расѣяна внимательнымъ изслѣдованіемъ документовъ осязательныхъ, подлинность которыхъ не можетъ быть подвержена сомнѣнію и которыя даютъ фактическія доказательства? Различныя христіанскія вѣроисповѣданія имѣютъ громадный интересъ изслѣдовать эти документы, потому что разности этихъ вѣроисповѣданій не могутъ быть въ достаточной степени оправданы изученіемъ церковныхъ писателей. Послѣ вопроса: какъ училъ Христосъ? до извѣстной степени какъ отвѣтъ на него слѣдуютъ другіе вопросы: какъ вѣрили непосредственные ученики, апостолы и поколѣнія, слѣдовавшія за ними?.. Катакомбы помогаютъ рѣшить часть этихъ проблеммъ. Изъ этихъ глубокихъ подземелій, гдѣ не думали ничего найти кромѣ тьмы, прорвались лучи свѣта, который не позволяетъ уже не видѣть... Важно констатировать не столько свою прямую преемственность, сколько степень своего родства съ вѣрованіями первыхъ вѣковъ. *Это—исторія чистая и простая, какой ей слѣдуетъ быть.* Она могла бы привести изслѣдователей къ убѣжденію, что христіане катакомбъ не были ни католиками въ современномъ смыслѣ, ни протестантами, ни тѣмъ болѣе свободными мыслителями» [1]).

[1]) Roller, Les catacombes de Rome. t. I. Praf.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ